

СОЦИОЛОГИЯ ПРОФЕССИЙ

Е.М. Колесникова

ПЕДАГОГИ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОФЕССИЯ КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Статья посвящена анализу показателей статуса профессиональной группы педагогов дошкольного образования. Профессиональная группа рассматривается с позиций межпоколенной и территориальной мобильности ее представителей. Исследование проводилось как часть проекта по изучению актуального положения, а также перспектив и стратегий повышения социального статуса педагогических работников дошкольного образования в России. Профессиональная группа рассматривается в рамках неовеберинской концепции. Исследование проводилось в трех регионах России (Москва, Самарская область, Нижегородская область) с учетом соблюдения квот выборки по значимому статистическому показателю группы (педагогический стаж). Для анализа было отобрано 347 анкет воспитателей государственного и 93 анкеты воспитателей частного секторов. Основные тенденции, на которые стоит обратить внимание, связаны с закрытием социально-профессионального сообщества в средних и малых городах и оттоком специалистов из сельской местности. «Закрытость» профессиональных сообществ и отказ от территориальной миграции специалистов из малых и средних городов России, на наш взгляд, является отражением проблематики существования и поддержания определенных элементов сословной социальной структуры в них. Отток специалистов из сельских территорий начинается уже с этапа получения первого профессионального образования и сочетается с ростом профессионально-социального статуса по сравнению со статусом родителей.

Ключевые слова: социология профессий, социология образования, воспитатель, дошкольное образование, межпоколенная мобильность, социальная мобильность.

Отечественное дошкольное образование, как и вся система образования, в последние годы переживает период активного реформирования. Конец 90-х гг.

Колесникова Елена Михайловна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, сектор социологии профессий и профессиональных групп Института социологии РАН (Москва) (kolesnikova@mail.ru)

Kolesnikova Elena — Candidate of Science (Sociology), Senior researcher, Department of Sociology of Professions and Professional Groups, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Moscow) (kolesnikova@mail.ru)

XX в. был отмечен закрытием практически половины дошкольных учреждений (их количество уменьшилось с 87600 в 1991 г. до 51329 в 2001 г.) и аналогичным масштабным сокращением педагогических кадров (с 993900 человек в 1991 г. до 605300 в 2001 г.) (Образование... 2003: 95, 66). В 2011 г. в 44884 учреждениях трудилось 612500 педагогических работников и 81 % из них составляли воспитатели (Индикаторы... 2013: 217, 164). Накопление проблем, связанных с доступностью дошкольных учреждений и кадровым составом их работников, вынужденно стимулировало внимание государства к данному сектору. Начиная с 2012 г., данный институт вступил в период преобразований, связанных с изменением администрирования, финансирования, стимулированием развития частного сектора, конкретными мерами по повышению заработной платы педагогов, а также введением стандартов (Государственная программа... 2014; Указ... 2012; Федеральный... 2012).

Исследование проводилось как часть проекта по изучению актуального положения, а также перспектив и стратегий повышения социального статуса педагогических работников дошкольного образования в России. Профессиональная группа рассматривается в рамках неовеберинской концепции как корпоративный актор, а ее профессионализация — как процесс увеличения властного, экономического и культурного ресурсов работников с целью улучшения их положения на рынке труда. Процессы формирования профессиональной группы педагогов дошкольного образования в целом и воспитателей в частности представляют интерес с точки зрения рассмотрения данного занятия как канала социальной мобильности.

Исследование проводилось в трех регионах России (Москва, Самарская область, Нижегородская область) с учетом соблюдения квот выборки по значимому статистическому показателю группы (педагогический стаж). Профессиональный педагогический стаж рассматривается как интегральная характеристика, отражающая лояльность работника, его включение в сообщество, освоение идентичности. Исходная статистика по группе взята из статистических источников (Индикаторы образования 2010; Образование... 2010). В Самарской и Нижегородской областях в исследовании приняли участие воспитатели не только из столиц регионов, но и из малых, средних городов, а также из поселков городского типа и сельской местности. В целом 55 % выборки составили воспитатели из Москвы, Самары, Нижнего Новгорода, 27 % — воспитатели из других городов Самарской и Нижегородской областей и 18 % — воспитатели из сельской местности Самарской и Нижегородской областей. Сбор данных осуществлялся посредством самозаполнения анкет с их квотным отбором в соответствии со структурой выборки. Опрос был проведен в период между мартом и сентябрем 2014 г. Для анализа было отобрано 347 анкет.

Автор исходил из того, что динамика социального и профессионального статуса специалистов, работающих в частном и государственном секторах, будет различной. Сегодня частные образовательные услуги пользуются наибольшим спросом в экономически развитых крупных городах вследствие большей платежеспособности населения. Особенно очевидными были достижения частного сектора в период его появления в начале 2000-х гг., но постепенно он становился все более и более нелегальным. Так, в 2001 г. официальная стати-

стика насчитывала 2306 частных детских садов, а в 2008 уже только 410 (Образование... 2010: 216). Определенное изменение ситуации можно наблюдать в связи с развитием программы финансирования государством частного сектора с 2012 г. (Государственная программа... 2014; Федеральный... 2012). На этом основании в исследовании были задействованы воспитатели-педагоги частных детских садов г. Самары (93 респондента). Самарский регион включен в проект по развитию государственно-частного партнерства в социальных проектах и известен именно направлением частных детских садов («Билдинг сады») (АСИ). По данным Ассоциации «Территория образования», официальный сектор негосударственных форм дошкольного образования в 2013 г. в России представлен 1681 учреждением (Ассоциация... 2013). В 2012 г. в Самарской области насчитывалось 218 учреждений, реализующих альтернативные формы дошкольного образования (35 из которых — негосударственные детские сады), численность воспитанников в них составляла 3989 детей (1794 из них посещали негосударственные детские сады) (Мониторинг... 2013). При этом за 6 месяцев 2012 г. было открыто 34 новых частных учреждения и легализовано 36 (Ассоциация... 2013). В силу отсутствия официальной статистики по кадровым показателям частного сектора мы использовали процедуру сплошного опроса воспитателей в каждом из 20 частных детских садов и центров по аналогичной анкете. Данные результатов по этой группе респондентов мы приводим отдельно. Сложно говорить об их репрезентативности, но они представляют интерес как попытка анализа сектора.

Профессия «воспитатель» как ресурс социальной мобильности

Возможности социально-профессионального роста работников в профессии и посредством нее связываются социологами с процессами социальной мобильности, их направленностью, интенсивностью и открытостью общества в целом. Проблематика «равенства возможностей» рассматривается в научной литературе в основном с точки зрения межпоколенных изменений доступа к образованию, доходу и реже к профессиям. Статусное социально-профессиональное неравенство и его воспроизводство в поколениях представляют интерес с точки зрения эффективности функционирования политической и экономической систем государства и общественной солидарности (См., напр.: Atkinson et al. 2011; Rycroft 2013). При этом как отечественные, так и зарубежные ученые сходятся в оценке сохраняющегося наследования классовых, социальных преимуществ (См., напр.: Corak 2004; Ястребов 2015) и использования профессиональных позиций как одного из инструментов социального закрытия (См., напр.: Lentz, Laband 1989; Corak, Piraino 2011; Ястребов 2015).

В анализе профессий системы образования — «учитель», «воспитатель» и т. п. — исследователи уделяли больше внимания школьным учителям как более массовой педагогической профессии, но и эти данные, хотя и косвенно, также весьма показательны (См., напр. Floud, Scott 1961; ЕГЭ... 2009; Собкин и др. 2005). Проблематика формирования профессиональной группы педагогических работников дошкольного образования активно анализируется в рамках феминистского подхода. Авторы рассматривают ее с учетом исторического,

культурного, социального и экономического контекстов. Система предоставления дошкольного ухода и образования в мире представлена различным сочетанием государственных, частных, общественных и добровольческих услуг, отражая национальный контекст и цели государственной политики каждой страны (Laere et al. 2012; Leira 1994). От государственной политики в области социализации воспитания зависят и показатели уровня квалификации педагогических работников «воспитательного труда» (Scheiwe, Willekens 2009; Competence... 2011). В последние годы расширение сектора услуг по уходу за детьми-дошкольниками особенно заметно в тех странах, где было типично доминирование нерегулируемого и малооплачиваемого частного сектора (Zigler et al. 2009; Evers et al. 2005), отнесение ухода и воспитания детей к вопросам частной семейной жизни и решение их за счет гендерного разделения труда и частичной занятости матери (Lewis 1992; Bloom, Steen 1990). Опыт этих стран свидетельствует, что отсутствие системного государственного финансирования и регулирования, активности ассоциаций профессионалов и переводение вопроса на уровень личных договоренностей с родителями способствует снижению уровня оплаты труда (Folbre 2006; Fuller, Strath 2001) и сокращению и удешевлению кадрового состава, притоку мигрантов в профессию (Ehrenreich, Hochschild 2002; Cleveland, Nyatt 2002; Blau 2001).

В России институт дошкольного образования развивался наиболее масштабно в советский период, когда он был ориентирован на служение общественным интересам и главенство государства в его экономике, администрировании и культурной политике (История... 1989; История... 1988). И одной из характерных черт образовательной системы советского периода можно считать практику специального привлечения в «педагогическую» профессию выпускников из сельских территорий. Такие меры, как формальные «сельские квоты», снижение требований к проходным баллам, развитие системы заочного образования, использовались для повышения шансов при поступлении в педагогические профессиональные учебные заведения выпускников из сельских территорий.

Одной из задач исследования был краткий анализ процессов социальной межпоколенной мобильности воспитателей. В анкете задавались вопросы, позволяющие установить ряд ретроспективных сведений о социально-профессиональных траекториях респондентов и характеристиках их ближайшего окружения. К ним относятся: место первичной и вторичной социализации респондента (тип поселения, в котором респондент заканчивал среднюю школу; тип поселения, в котором он получал профессиональное образование; тип поселения, в котором он живет и работает на момент проведения исследования) и род занятий родителей респондента (профессия отца и матери).

Исходной информацией для получения итоговой шкалы о местах первичной и вторичной социализации были открытые вопросы о населенных пунктах. Ответы кодировались вручную в соответствии с классификацией: «большой город» (города с населением более 500 тыс. чел., например, Москва, Самара, Нижний Новгород и т. п.), «средний и малый город» (города с населением менее 500 тыс. чел.), «сельская местность» (поселки городского типа, села, деревни). Отнесение городов к категориям проводилось на основании

классификации от 2010 г., с допущением о сохранении валидности с учетом упрощенности группировки и необходимости учета временного интервала только одного поколения. Упрощенная группировка использовалась на основании низких показателей территориальной мобильности респондентов (87 % указывали в качестве места первичной социализации и актуального проживания населенные пункты одной области) и ярко выраженной дифференциации городов в областях, где проводилось исследование, с точки зрения численности населения.

Исходной информацией для получения итоговой шкалы о роде занятий родителей были открытые вопросы об их профессии. Ответы кодировались вручную в соответствии с классификацией: «служащий» (например: бухгалтер, военный, врач и т. п.), «педагог» (например: воспитатель, учитель и т. п.), «рабочий» (например: тракторист, электрик, рабочий и т. п.). Для типологии использовался «Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов» ОК 016-94 (<http://professions.org.ru>). Категория «педагог» теоретически относится нами к «служащим», но выделялась отдельно для возможности учета распространенности поколенческого наследования именно этого профиля профессий. Упрощенность группировки объясняется статистически малым объемом выборочной совокупности и необходимостью агрегировать данные.

В обоих случаях предполагается наличие принципиальных различий в элементах классификаций, что означает различный тип и объем социальных ресурсов, которыми человек располагает в начале своего профессионального пути. Положение воспитателей в системе этих показателей рассматривается как их социальные маршруты, их исходное и текущее социальное положение. Очевидно, что набор этих характеристик не описывает профессиональную группу с точки зрения социальной мобильности в полной мере, но позволяет рассмотреть некоторые важные аспекты ее динамики. Основные тенденции, на которые стоит обратить внимание, связаны с «закрытием» социально-профессионального сообщества в средних и малых городах и оттоком работников из сельской местности.

Миграционный тренд специалистов — выходцев из сельской местности

Обстоятельства первичной социализации характеризуют определенные социально-профессиональные траектории воспитателей. Данные демонстрируют тенденцию формирования подгруппы респондентов, практикующих / проживающих в больших городах, не только посредством собственных ресурсов, но и за счет миграции работников из сельской местности. Среди воспитателей государственного сектора те, кто проходили первичную социализацию / закончили среднюю школу в большом городе, составляют 38 %, в сельской местности — 29 %, но при этом проживают на данный момент в большом городе — 55 %, а в сельской местности — 18 % (табл. 1).

Определенный вклад в данный процесс вносит, видимо, тот факт, что 67 % респондентов прошли первичную профессиональную социализацию / получили первое профобразование в большом городе и только 2 % — в сельской местности (табл. 2).

Таблица 1

**Распределение респондентов по месту первичной и вторичной социализации:
Государственный сектор
(в % от числа ответивших)**

Вопрос анкеты	Тип поселения			Итого:
	большой город	средний и малый город	сельская местность	
Населенный пункт, в котором Вы закончили среднюю школу	38 %	33 %	29 %	100 %
Населенный пункт, в котором Вы проживаете сейчас	55 %	27 %	18 %	100 %
Населенный пункт, в котором Вы получали первое профобразование	67 %	31 %	2 %	100 %

Таблица 2

**Распределение респондентов по месту первичной и вторичной социализации:
место актуального проживания — «большой город»
(в % от числа ответивших)**

	Вопрос анкеты	Тип поселения			Итого:
		большой город	средний и малый город	сельская местность	
Частный сектор	«Населенный пункт, в котором Вы закончили среднюю школу»	43 %	34 %	23 %	100 %
Государственный сектор (подвыборка)	Населенный пункт, в котором Вы закончили среднюю школу	59 %	20 %	21 %	100 %

Также можно отметить определенный вклад социально-профессионального статуса родительской семьи в территориально-профессиональную миграцию работников. В целом, и особенно с точки зрения социально-профессионального статуса отца, профессия «воспитатель» подтверждает свою репутацию «социального лифта»: 80 % респондентов, чья первичная социализация проходила в сельской местности, 71 % из средних и малых и 68 % из больших городов отметили социально-профессиональный статус своих отцов как «рабочий», матерей соответственно — 59 %, 42 % и 52 % (табл. 3).

Таблица 3

Распределение респондентов по месту первичной социализации и социально-профессиональной принадлежности родителей: Государственный сектор (в % от числа ответивших)

Социально-профессиональная принадлежность родителей	«Населенный пункт, в котором Вы закончили среднюю школу»			
	большой город	средний и малый город	сельская местность	Итого:
Служащий (мать)	38 %	39 %	22 %	34 %
Педагог (мать)	10 %	18 %	18 %	15 %
Рабочий (мать)	52 %	43 %	59 %	51 %
Нет ответа	0 %	0 %	1 %	0 %
Итого:	100 %	100 %	100 %	100 %
Служащий (отец)	26 %	25 %	16 %	23 %
Педагог (отец)	1 %	2 %	1 %	1 %
Рабочий (отец)	68 %	71 %	80 %	72 %
Нет ответа	5 %	2 %	3 %	4 %
Итого:	100 %	100 %	100 %	100 %

При этом статус родителей служит и дополнительным ресурсом перемещения в социально-профессиональной структуре. Так, среди тех, чья первичная социализация проходила в сельской местности и чей отец / мать имели статус «служащий, педагог», 60 % и 50 % соответственно на данный момент проживают в большом городе (табл. 4, 6). А среди тех, чья первичная социализация также проходила в сельской местности, но при этом отец или мать имели статус «рабочий», 36 % и 34 % соответственно на данный момент проживают в большом городе (табл. 5, 7).

Таблица 4

Распределение респондентов по месту первичной и вторичной социализации: Государственный сектор: Социально-профессиональная принадлежность родителей: Служащий, Педагог (мать) (в % от числа ответивших)

«Населенный пункт, в котором Вы закончили среднюю школу»	«Населенный пункт, в котором Вы проживаете сейчас»			
	большой город	средний и малый город	сельская местность	Итого:
большой город	88 %	12 %	0 %	100 %
средний и малый город	25 %	63 %	12 %	100 %
сельская местность	50 %	19 %	31 %	100 %

Таблица 5

**Распределение респондентов по месту первичной и вторичной социализации:
Государственный сектор: Социально-профессиональная принадлежность
родителей: Рабочий (мать) (в % от числа ответивших)**

«Населенный пункт, в котором Вы закончили среднюю школу»	«Населенный пункт, в котором Вы проживаете сейчас»			
	большой город	средний и малый город	сельская местность	Итого:
большой город	85 %	7 %	8 %	100 %
средний и малый город	43 %	43 %	14 %	100 %
сельская местность	34 %	17 %	49 %	100 %

Таблица 6

**Распределение респондентов по месту первичной и вторичной социализации:
Государственный сектор: Социально-профессиональная принадлежность
родителей: Служащий, Педагог (отец) (в % от числа ответивших)**

«Населенный пункт, в котором Вы закончили среднюю школу»	«Населенный пункт, в котором Вы проживаете сейчас»			
	большой город	средний и малый город	сельская местность	Итого:
большой город	75 %	16 %	8 %	100 %
средний и малый город	39 %	54 %	7 %	100 %
сельская местность	60 %	13 %	27 %	100 %

Таблица 7

**Распределение респондентов по месту первичной и вторичной социализации:
Государственный сектор: Социально-профессиональная принадлежность
родителей: Рабочий (отец) (в % от числа ответивших)**

«Населенный пункт, в котором Вы закончили среднюю школу»	«Населенный пункт, в котором Вы проживаете сейчас»			
	большой город	средний и малый город	сельская местность	Итого:
большой город	91 %	8 %	1 %	100 %
средний и малый город	28 %	57 %	15 %	100 %
сельская местность	36 %	18 %	46 %	100 %

Закрывтие социально-профессионального сообщества в «средних и малых городах»

В отношении той части воспитателей, чья первичная и вторичная профессиональная социализация были связаны со средними и малыми городами, можно говорить о некоторых показателях «закрывтия» группы. 33 % респондентов государственного сектора отметили, что закончили школу именно в среднем и малом городе, 27 % проживают в нем на данный момент и 31 % получали первичное профобразование именно в этом типе поселения (табл. 1). Преимущества статуса родительской семьи здесь меньше сочетаются с показателями территориальной миграции специалистов, а скорее способствуют территориальной оседлости. Так, среди тех, чья первичная социализация проходила в среднем и малом городе и при этом отец / мать имели статус «служащий, педагог», 54 % / 63 % соответственно на данный момент проживают в среднем и малом городе (табл. 4, 6). Также среди тех, чья первичная социализация проходила в среднем и малом городе, но при этом отец / мать имели статус «рабочий», 57 % / 43 % соответственно на данный момент проживают в среднем и малом городе (табл. 5, 7). Видимо, наличие у матери такого ресурса, как статус «служащий, педагог», в этом типе поселения способствует максимизации выгод и отказу от территориальной мобильности. Одновременное сочетание в средних и малых областных городах таких факторов, как наличие собственных (по сравнению с сельской местностью) рынка труда и системы профобразования, незначительный (по сравнению с большим городом) размер социально-профессиональной группы «служащих» и возможность использовать социальный ресурс принадлежности к местному профессиональному сообществу способствуют более низким показателям миграции в большой город, чем среди респондентов из сельской местности. Стоит также обратить внимание на тот факт, что доля воспитателей из средних и малых городов, практикующих в большом городе в частном секторе, составляет 34 %, а в государственном — 20 % (табл. 2). Это, на наш взгляд, свидетельствует о специфике актуализации ресурсов воспитателей из средних и малых городов в ситуации конкуренции за места в социально-профессиональной структуре.

Подобная «закрывтость», с нашей точки зрения, является отражением проблематики существования и поддержания определенных элементов сословной социальной структуры малых и средних городов России. Определенное игнорирование мобильности как значимой ценности современного общества в этом типе поселения находит свое отражение в сокращении передвижений, как в статусном, так и в территориальном аспекте. Исследователи утверждают, что в данном типе поселения происхождение и родство способствуют монополизации позиций на рынке труда и образования, что снижает процессы социальных передвижений (Российское общество... 2015). Наши данные также могут быть истолкованы в этом ракурсе. Отказ от использования возможностей профессиональной мобильности в пользу территориально локализованных ресурсов является скорее элементом сословной социальной культуры, не ориентированной на интенсивные социальные передвижения «открытого, современного» общества.

Итак, в данной статье мы пытались рассмотреть проблематику социального статуса воспитателей с точки зрения социальной мобильности. Корпус педагогов дошкольного образования имеет большую историю и представлен обширной сетью учреждений в городах и сельской местности. Начиная с постсоветского периода, он включает в себя и работников частных садов / центров.

На наш взгляд, объем социальных ресурсов, возможных к аккумуляции в начале профессионального пути, стимулирует перспективы социальной и территориальной мобильности воспитателей. Очевидно, что небольшой набор характеристик, задействованный нами, не описывает профессиональную группу с точки зрения социальной мобильности в полной мере. Так, например, мы не рассматривали межпоколенную мобильность в контексте уровня образования и дохода специалистов и их родителей. Нет никаких оснований утверждать, что при наличии межпоколенной мобильности, заключающейся в перемещении нового поколения в сферу занятости, предполагающую более сложный уровень труда и образования, одновременно можно говорить о восходящей мобильности в аспекте дохода. Профессии «воспитательного труда» в целом и воспитатели дошкольного образования в частности не относятся к разряду высокооплачиваемой занятости. С нашей точки зрения, занятость в этом сегменте можно рассматривать как первоначальный этап поколенной восходящей мобильности, связанный с включением в «интеллектуальный» труд, хотя и с относительно низким уровнем дохода. Не стоит забывать и о том, что это сегмент с крайне феминизированным кадровым составом профессиональной группы. В этом ключе показательны тенденции закрытия социально-профессионального сообщества в средних и малых городах и оттока работников из сельской местности.

Литература и источники

Агентство Стратегических Инициатив (АСИ). *Проект «Билдинг сад»* [<https://www.asi.ru/projects/8261>] (дата обращения: 19.02.2015).

Ассоциация «Территория образования», *Презентация выступления на Региональном Форуме работников системы дошкольного образования (Самара, 2013 г.) «Современная негосударственная образовательная организация: состояние и перспективы»* [<http://kdo.sipkro.ru/images/stories/Forum2013/celovalnikova.pdf>] (дата обращения: 19.02.2015).

Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы [<http://www.rg.ru/2014/04/24/obrazovanie-site-dok.html>] (дата обращения: 19.02.2015).

ЕГЭ и прием в вузы. Средний балл абитуриентов, поступивших в московские вузы Е28 по результатам ЕГЭ: август 2009 г.: докл. Гос. ун-та — Высшей школы экономики / отв. ред., рук. исследования М.С. Добрякова. М.: Гос. ун-т — Высшая школа экономики, 2009.

Индикаторы образования: 2010: стат. сб. М.: ГУ ВШЭ, 2010.

Индикаторы образования: 2013: стат. сб. М.: ГУ ВШЭ, 2013.

История дошкольной педагогики / под ред. Л.Н. Литвина. М.: Просвещение, 1989.

История советской дошкольной педагогики: Хрестоматия / сост. Н.Б. Мчедлидзе и др. М.: Просвещение, 1988.

Мониторинг альтернативных форм дошкольного образования Самарской области в 2012–2013 гг. [<http://kdo.sipkro.ru/images/stories/2013/Alternativ.pdf>] (дата обращения: 19.02.2015).

Образование в Российской Федерации: стат. сб. М.: ГУ ВШЭ, ЦИСН, 2003.

Образование в Российской Федерации: 2010: стат. сб. М.: ГУ ВШЭ, 2010.

Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов» ОК 016-94 [<http://professions.org.ru>] (дата обращения 19.02.2015).

Российское общество вне больших городов: сословная структура, распределенный способ жизни, неформальная экономика, 2015 [<http://khamovniku.ru/news/rossiyskoe-obshchestvo-vne-bolshikh-gorodov-soslovnaya-struktura-raspredelyennyy-sposob-zhizni-nefor.html>] (дата обращения: 19.12.2015).

Собкин В.С., Ткаченко О.В., Федюнина А.В. Студент педагогического ВУЗа: отношение к образованию и профессиональные планы, *Вопросы образования*, 2005, 1: 304–320.

Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года N 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». [<http://www.rg.ru/2012/05/09/soc-polit-dok.html>] (дата обращения: 19.02.2015).

Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [<http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html>] (дата обращения: 19.02.2015).

Ястребов Г.А. Динамика социальной мобильности в России в длительной исторической перспективе: препринт WP17/2015/01. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. [https://www.hse.ru/data/2015/03/23/1093463280/WP17_2015_01_.pdf] (дата обращения 19.02.2015).

Atkinson A. B., Piketty T., Saez E. Top Incomes in the Long Run of History, *Journal of Economic Literature*, 49(1), 2011: 3–71.

Black S.E., Devereux P.J. Recent developments in intergenerational mobility, in: Ashenfelter O., Card D. (eds.) *Handbook in Labor Economics*, North Holland, 2011.

Blau D. *The child care problem: an economic analysis*. NY: Russell Sage, 2001.

Bloom D.E., Steen T.P. The Labor Force Implications of Expanding the Child Care Industry, *Population Research and Policy Review*, 1990, 9(1): 25–44.

Child Care and Preschool Development in Europe: Institutional Perspectives. Scheiwe K., Willekens H. (eds.) London: Palgrave MacMillan, 2009.

Cleveland G. H., Hyatt D. E. Child Care Workers' Wages: New Evidence on Returns to Education, Experience, Job Tenure and Auspice, *Journal of Population Economics*, 2002, 15(3): 575–597.

Competence Requirements in Early Childhood Education and Care. A study for European Commission Directorate-General for Education and Culture. Final Report. University of East London, Cass School of Education and University of Ghent, Department for Social Welfare Studies, 2011 [http://ec.europa.eu/education/more-information/doc/2011/core_en.pdf] [дата посещения 15.10.2013].

Corac M. *Generational Income Mobility in North America And Europe*. New York: Cambridge University Press, 2004.

Corak M., Piraino P. The intergenerational transmission of employers, *Journal of Labor Economics*, 2011, 29: 37–68.

Ehrenreich B., Hochschild A.R. *Global woman: nannies, maids, and sex workers in the new economy*. New York: Metropolitan Books, 2002.

Evers A., Lewis J., Riedel B. Developing child-care provision in England and Germany: problems of governance, *Journal of European Social Policy*, 2005, 15(3): 195-209.

Floud J.E., Scott W. Recruitment to Teaching in England and Wales, in: Halsey A.H., Floud J.E., Anderson C.A. (eds.), *Education, Economy and Society*. Illinois: Glencoe Free Press, 1961.

Folbre N. Demanding Quality: Worker/Consumer Coalitions and “High Road” Strategies in the Care Sector, *Politics & Society*, 2006, 34(1): 11-32.

Fuller B., Strath A. The Child-Care and Preschool Workforce: Demographics, Earnings, and Unequal Distribution, *Educational Evaluation and Policy Analysis*, 2001, 23(1): 37-55.

Laere K.V., Peeters J., Vandebroek M. The education and care divide: the role of the early childhood workforce in 15 European countries, *European Journal of Education*, 2012, 47(4): 527-541.

Leira A. Concepts of Caring: Loving, Thinking, and Doing, *Social Service Review*, 1994, 68(2): 185-201.

Lentz B.F., Laband D.N. Why so many children of doctors become doctors, *Journal of Human Resources*, 1989, 24(3): 396-413.

Lewis J. Gender and the Development of Welfare Regimes, *Journal of European Social Policy*, 1992, 2(3): 159-173.

Rycroft R. (ed.) *The Economics of Inequality, Poverty, and Discrimination in the 21st Century*. Santa Barbara, Calif.: Praeger, 2013.

Zigler E., Marsland K., Lord H. *The Tragedy of Child Care in America*. New Haven & London: Yale University Press, 2009.